

IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIIY-INNOVATION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

ISSN 3060-5059

VOL.3 № 5

2026

RUS VA O‘ZBEK TILLARIDA DIPLOMATIK TERMINOLOGIYANING FUNKSIONAL-DISKURSIV PARAMETRLARI

Xasanov Piyosbek Ibrokhimjonovich

Z.M. Bobur nomidagi Andijon davlat universiteti, xalqaro hamkorlik bo‘limi rahbari, o‘qituvchi

Annotatsiya

Maqolada rus va o‘zbek tillaridagi diplomatik terminologiyaning funksional-diskursiv parametrlari tahlili qilingan. Muallif diplomatik matnlarning turli janrlarini (verbal notalar, xalqaro-huquqiy hujjatlar) tahlil qilgan holda, terminlarning real diskursda ifodalanishini aniqlagan. Terminlarning pragmatik, matn hosil qiluvchi, nominativ va huquqiy funksiyalariga alohida e‘tibor qaratilgan. Qiyosiy tahlil shuni ko‘rsatadiki, har ikki tilda diplomatik terminlar umumiy funksional ekvivalentlikka ega bo‘lsa-da, ularning standartlashuv darajasi, nominativ tuzilishi va semantik aniqligida farqlar mavjud.

Kalit so‘zlar: termin, terminologik tizim, diplomatik terminologiya, diplomatik til, funksional-diskursiv tahlil, diplomatik diskurs, verbal nota, xalqaro-huquqiy hujjatlar, pragmatik funksiya, lingvomadaniyat.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Хасанов Илѳсбек Иброхимжоновиѳ

Андижанский государственный университет имени З.М. Бабура, руководитель отдела международного сотрудничества, преподаватель

Аннотация

В статье рассматриваются функционально-дискурсивные параметры дипломатической терминологии в русском и узбекском языках. Автор анализирует дипломатические тексты различных жанров (вербальные ноты, международно-правовые акты) с целью выявления особенностей функционирования терминов в реальном дискурсе. Особое внимание уделяется прагматическим, текстообразующим, номинативным и юридическим функциям терминологических единиц. Сопоставительный анализ показывает, что при общей функциональной эквивалентности дипломатических терминов в двух языках наблюдаются различия в степени их стандартизации, номинативности и семантической прозрачности.

Ключевые слова: термин, терминосистема, дипломатическая терминология, дипломатический язык, функционально-дискурсивный анализ, дипломатический дискурс, вербальная нота, международно-правовые акты, прагматическая функция, лингвокультура.

FUNCTIONAL AND DISCURSIVE PARAMETERS OF DIPLOMATIC TERMINOLOGY IN THE RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Khasanov Piyosbek Ibrokhimjonovich

Andijan State University named after Z.M. Babur, Head of the International Cooperation Department, Lecturer

Abstract

The article examines the functional and discursive parameters of diplomatic terminology in the Russian and Uzbek languages. The author analyzes diplomatic texts of various genres (verbal notes, international legal documents) to identify the specifics of term functioning in real discourse. Particular attention is paid to pragmatic, text-forming, nominative, and legal functions of terminological units. The comparative analysis shows that despite the general functional equivalence of diplomatic terms in both languages, differences exist in their degree of standardization, nominative structure, and semantic transparency.

Keywords: term, terminological system, diplomatic terminology, diplomatic language, functional-discursive analysis, diplomatic discourse, verbal note, international legal documents, pragmatic function, linguoculture.

Современные тенденции в сравнительном исследовании дипломатической терминологии русского и узбекского языков характеризуются переходом от традиционного инвентаризационного

описания к системно-структурному анализу профессиональных лексических пластов. В рамках сопоставительного терминоведения накоплен значительный массив данных, касающихся генезиса терминов, способов их деривации и установления межъязыковых эквивалентов. Однако для всестороннего понимания специфики дипломатических терминов представляется необходимым выйти за пределы их формально-языкового и семантического описания и обратиться к анализу их функционирования в реальном дискурсе.

Актуальность функционально-дискурсивного подхода обусловлена тем, что дипломатический термин проявляет свою сущность не только как элемент лексической системы, но и как инструмент реализации коммуникативных и прагматических задач в условиях официального межгосударственного общения. В этой связи особое значение приобретает изучение терминов в их текстовом окружении, что позволяет выявить их прагматическую нагрузку, стилистические особенности и роль в организации дипломатического сообщения.

Как справедливо указывает С. В. Гринев-Гриневич, акцентируя внимание на методологии исследования специальной лексики, «более надежным для определения многозначности термина является метод изучения особенностей функционирования терминов в различных окружениях в специальных текстах» [5, с. 100]. Данный тезис подчеркивает необходимость обращения к корпусу аутентичных дипломатических текстов как основному источнику эмпирических данных для выявления функциональных параметров терминологических единиц.

Объектом нашего исследования выступают дипломатические тексты различных жанров — прежде всего вербальные ноты и международно-правовые акты, в которых реализуются отобранные ранее терминологические единицы. Предметом анализа являются функционально-дискурсивные параметры дипломатических терминов, проявляющиеся в их текстообразующей, прагматической, номинативной и юридической функциях.

Целью данного раздела является выявление специфики функционирования дипломатических терминов русского и узбекского языков в условиях официального дискурса, а также установление сходств и различий в способах их реализации в сопоставляемых лингвокультурах. Для достижения поставленной цели решаются задачи анализа жанровых особенностей дипломатических текстов, выявления прагматических функций терминов, а также определения влияния языковых и культурных факторов на их функционирование.

Как подчеркивает В. И. Попов, «дипломатическая речь — это специфический, профессиональный язык» [13, с. 454]. Данное утверждение указывает на то, что профессиональная языковая система дипломатов отличается от общелитературного языка не только лексическим составом, но и особыми прагматическими и стилистическими чертами, формирующими самобытность дипломатического дискурса.

В этой связи понятие «дипломатический язык» трактуется многоаспектно, что отражено в работах как классиков дипломатии, так и современных исследователей.

Гарольд Никольсон, анализируя природу этого явления, отмечает: «Выражение “дипломатический язык” употребляется для обозначения трех различных понятий. Во-первых, оно означает самый язык (будь то латинский, французский или английский), который употребляется дипломатами в устных и письменных сношениях. Во-вторых, оно обозначает те технические фразы, которые в течение веков стали частью обычного дипломатического словаря. И в его третьем и самом обычном значении оно употребляется для обозначения тех сдержанных, осторожных фраз, которые дают возможность дипломатам и министрам говорить друг другу самые резкие вещи в вежливом и мягком тоне» [4, с. 129].

Таким образом, концепция «дипломатического языка» включает в себя не только корпус специализированной лексики, но и функциональные механизмы её применения, направленные на достижение прагматических целей: от формирования имиджа государства до нейтрализации потенциальных конфликтов через тонко выстроенные формулировки. Эти механизмы определяют специфику дипломатического дискурса, отличая его от других форм речевой деятельности.

Современная лексикографическая практика закрепляет данное понимание, предлагая комплексные дефиниции этого феномена. Так, в современном специализированном «Дипломатическом словаре» данное понятие трактуется следующим образом: «Совокупность терминов и фраз, входящих в общепринятый дипломатический лексикон, а также правил составления текстов; язык внешней политики и дипломатии, употребляемый при официальных дипломатических сношениях, переговорах и составлении дипломатических документов» [23].

Приведённая дефиниция акцентирует внимание на системном характере профессионального языка, где терминологические единицы неотделимы от «правил составления текстов». С позиции функционально-дискурсивного анализа это означает, что термин в дипломатии не является статичным знаком — он обретает свою прагматическую силу только внутри жанрово обусловленного контекста (ноты, договора, заявления). Для нашего исследования в сопоставительном аспекте это имеет принципиальное значение: правила текстообразования в русском и узбекском дипломатическом дискурсе могут диктовать различные способы реализации одного и того же термина. Следовательно, функциональные параметры терминосистем проявляются не только в наборе лексем, но и в том, как эти лексемы структурируют официальное сообщение, обеспечивая его легитимность и необходимый политический эффект в обеих лингвокультурах.

Именно эта неразрывная связь терминов с их текстуальным окружением подтверждает методологический принцип, сформулированный Л. М. Алексеевой, согласно которому «текст обеспечивает единством теории и метода познания сущности термина» [2, с. 21].

Для всестороннего изучения функционально-дискурсивных параметров дипломатической терминологии становится необходимым комплексный анализ, в первую очередь, текстов письменной коммуникации, представленной различными жанрами дипломатической переписки. К ним относятся вербальная нота (verbal nota), личные ноты (shaxsiy (xususiy) nota), памятные записки (esdalik yozuvi, eslatma), меморандумы (memorandum), заключительный акт (yakuniy akt), коммюнике (kommunike) и другие формы документирования межгосударственных отношений.

Высокая значимость этих документов в международном праве и политике диктует особые требования к их лингвистическому наполнению, где содержательная сторона доминирует над эстетической. Согласно А. Ковалеву, «для языка дипломатических документов особенно важно не стилистическое совершенство, не музыкальность фразы, а абсолютное соответствие вкладываемому содержанию, точное выражение позиции, смысла политики государства по данному вопросу» [7, с. 137]. Из данного утверждения следует, что дипломатический термин в тексте документа выступает не просто как лексическая единица, а как юридически выверенный инструмент, исключающий возможность двоякого толкования государственной воли.

Анализ стилистических особенностей этих жанров позволяет глубже понять функциональные параметры используемых терминов. Характеризуя жанровую специфику дипломатической переписки, В. И. Попов отмечает, что «наиболее близким для дипломатической переписки является стиль, представляющий собой сочетание строгого научного, аналитического с литературным» [13, с. 434].

Подобный синтез стилей накладывает отпечаток на функционирование терминологии: с одной стороны, термины обеспечивают логическую строгость и доказательность текста, характерную для научного изложения, а с другой — они встраиваются в этикетные формулы и клише, свойственные официально-литературному стилю дипломатии. Это создает уникальную коммуникативную среду, в которой терминологическая единица должна сохранять свою жесткую семантику, не нарушая при этом норм дипломатической вежливости и протокола.

Среди многообразия жанров дипломатической переписки вербальные ноты привлекают особое внимание как одно из наиболее распространённых и универсальных средств коммуникации.

Вербальные ноты охватывают широкий спектр тематики — от стандартных вопросов, связанных с аккредитацией дипломатического персонала (например, запрос агремана, подтверждение прибытия или отъезда дипломатов, визовые вопросы), до обсуждения текущих проблем двусторонних отношений. Выбор данного вида переписки для нашего анализа обусловлен не только его функциональной широтой, но и доступностью материалов, что позволяет выявить специфику функционирования терминов в динамике межгосударственных отношений.

Важной функциональной особенностью дипломатического взаимодействия на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ) является сохранение за русским языком статуса основного рабочего языка межгосударственного общения. Несмотря на укрепление позиций национальных языков, официальный документооборот, включая обмен вербальными нотами, осуществляется преимущественно на русском языке. Данное явление обусловлено не только исторически сложившейся традицией лингвистической преэминентности, но и необходимостью обеспечения максимальной семантической точности и однозначности правовых формулировок. Использование русского языка в данном регионе минимизирует риск

возникновения переводческих искажений в текстах высокой государственной важности и упрощает процедуру согласования позиций.

Типичным примером реализации этой традиции является официальная переписка между внешнеполитическими ведомствами. Рассмотрим фрагмент текста вербальной ноты Посольства Российской Федерации в Республике Узбекистан: «Посольство Российской Федерации в Республике Узбекистан свидетельствует своё уважение Министерству иностранных дел Республики Узбекистан и имеет честь сообщить о проведении ...» [19].

Анализ данного текста позволяет выделить устойчивые прагматические маркеры дипломатического этикета. Начальная формула («свидетельствует своё уважение») выполняет контактоустанавливающую функцию и задает официальный тон общения, подчеркивая взаимное признание суверенитета и статуса сторон. Текст вербальной ноты традиционно составляется в третьем лице, что подчеркивает деперсонализированный, институциональный характер коммуникации: субъектом выступает не конкретное должностное лицо, а государственное учреждение в целом. Использование полных официальных наименований субъектов — «Посольство Российской Федерации в Республике Узбекистан» и «Министерство иностранных дел Республики Узбекистан» — функционирует как маркер легитимности и официального статуса сообщения. Фраза «имеет честь сообщить» также является терминологизированной, конвенциональной конструкцией, которая, помимо информирования, прагматически усиливает значимость передаваемой информации и подтверждает уважительное отношение к адресату.

После вводного комплимента в основной части ноты излагается предмет обращения, где может содержаться детальная информация о предстоящем событии, факте или позиции ведомства. За информационным блоком следует операциональная часть, содержащая конкретную просьбу или предложение: «Посольство просит уважаемое Министерство препроводить данную информацию с прилагающимися материалами в заинтересованные ведомства Республики Узбекистан» [19]. Данный фрагмент демонстрирует переход от информационной функции к побудительной, оформленной в максимально корректной, этикетной форме.

Завершается документ финальным комплиментом, который является обязательным элементом дипломатического протокола и подтверждает неизменность дружественного курса: «Посольство пользуется случаем, чтобы возобновить Министерству уверения в своём весьма высоком уважении» [19].

Анализ данного текста демонстрирует, что за строгостью протокольных формул скрывается высокая функциональная нагрузка, поскольку данный жанр является одним из ключевых инструментов оперативной дипломатии. Именно эта функция определяет их востребованность в международной коммуникации, что подтверждается и исследованиями современных лингвистов. Как отмечает С. Ш. Ошурмахмадова, вербальные ноты «являются формой оперативной письменной реакции на определённый факт, ситуацию или событие международной жизни, которые известны адресанту, и используются для решения неотложных потребностей» [12, с. 476].

Указанная оперативная функция вербальных нот, заключающаяся в быстрой реакции на текущие события, является базовой, однако их роль в дипломатической практике не ограничивается лишь информированием и выражением позиции. В современной международной практике вербальные ноты выполняют не только информационную, но и нормотворческую функцию. Обмен нотами идентичного содержания нередко выступает в качестве упрощенной формы заключения международного договора, обладающего полной юридической силой. В этом случае первая нота содержит предложение (оферту), а ответная нота — согласие (акцепт).

В этом контексте ключевые институциональные термины, такие как «Министерство иностранных дел (Tashqi ishlar vazirligi)» и «Посольство (Elchixon)», выполняют не только номинативную функцию, обозначая участников межгосударственного диалога, но и служат маркерами официального статуса и полномочий, делегированных государствами. Их последовательное и точное употребление является основой для обеспечения юридической силы документа. Точно так же, когда речь идет об учреждении консульского представительства, термин «консульство (konsulxona)» приобретает ярко выраженную юридическую и функциональную нагрузку, сигнализируя о конкретной сфере дипломатической активности.

Иллюстрацией такого функционального использования терминологии служит переписка об открытии консульского учреждения: «Министерство иностранных дел Российской Федерации

свидетельствует своё уважение Министерству иностранных дел Республики Узбекистан и, стремясь содействовать развитию экономических, культурных и иных связей между двумя странами, а также расширять контакты между гражданами Российской Федерации и Республики Узбекистан, от имени Правительства Российской Федерации имеет честь просить согласия Узбекстанской Стороны на учреждение Генерального консульства Российской Федерации в г. Самарканде <...> Если Министерство иностранных дел Республики Узбекистан от имени Правительства Республики Узбекистан в ответной ноте даст согласие на вышеизложенное, то настоящая нота вместе с ответной нотой Министерства иностранных дел Республики Узбекистан составляет Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об учреждении Генерального консульства Российской Федерации в г. Самарканде, которое вступит в силу с даты получения ответной ноты Министерства» [21].

В данном тексте вербальная нота фактически наделяется статусом международно-правового акта. Здесь термины «Министерство иностранных дел (Tashqi ishlar vazirligi)» и «Посольство (Elchixonona)» (в обеих языковых вариациях) выступают в качестве юридически значимых субъектов. Сам же термин «Генеральное консульство (Bosh konsulxonona)» приобретает здесь не только номинативное, но и целевое значение — обозначение конкретного дипломатического представительства, учреждение которого является предметом соглашения. Важно отметить, что в данном контексте термины функционируют в рамках формальной, юридически обязывающей структуры, где выбор лексики и грамматических форм напрямую влияет на юридическую силу документа.

Для обозначения этого жанра официальной дипломатической корреспонденции в контексте данного документа используется термин «нота». Такое сокращение является допустимым, поскольку значение «вербальная нота» полностью диктуется контекстом, характером обращения и его процессуальной функцией, снимая необходимость полного наименования.

Именно в данном функциональном контексте проявляется принцип, сформулированный В. П. Даниленко, согласно которому «немаловажную роль в достижении семантической определенности термина играет контекст, повторяемость которого закрепляет за термином строго определенное его значение» [6, с. 60].

Ответная нота Министерства иностранных дел Республики Узбекистан подтверждает достигнутые договоренности, используя метод цитирования (репетиции) содержания первой ноты, что гарантирует абсолютную идентичность обязательств сторон: «Министерство иностранных дел Республики Узбекистан свидетельствует своё уважение Министерству иностранных дел Российской Федерации и имеет честь подтвердить получение ноты № 16243/Здснг от 30 июня 2023 года следующего содержания <...> Министерство иностранных дел Республики Узбекистан выражает согласие, что нота Министерства № 16243/Здснг от 30 июня 2023 года и настоящая нота составляют Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об учреждении Генерального консульства Российской Федерации в г. Самарканде» [20].

Завершение ответной ноты вновь возвращает дискурс в русло протокольной вежливости, где повторение формулы уважения служит подтверждением легитимности и официального характера завершённой процедуры заключения соглашения: «Министерство иностранных дел Республики Узбекистан пользуется случаем, чтобы возобновить Министерству иностранных дел Российской Федерации уверения в своём весьма высоком уважении» [20].

Наряду с использованием русского языка в рамках регионального взаимодействия, внешнеполитическое ведомство Республики Узбекистан активно осуществляет дипломатическую переписку на государственном языке в отношениях с государствами дальнего зарубежья. Это способствует укреплению национального терминологического стандарта и демонстрирует адаптивность узбекской дипломатической лексики к международным протокольным нормам.

В качестве иллюстрации функционирования терминосистемы в официальном дискурсе рассмотрим фрагмент вербальной ноты Министерства иностранных дел Республики Узбекистан, направленной в адрес Посольства Королевства Саудовская Аравия: «O‘zbekiston Respublikasi Tashqi ishlar vazirligi Saudiya Arabistoni Podshohligining Toshkentdagi elchixonasiga o‘z ehtiromlarini izhor etib, O‘zbekiston Respublikasi Tashqi iqtisodiy faoliyat milliy banki boshqaruvi raisining birinchi o‘rinbosari R. G‘ulomov janoblari tomonidan Saudiya Arabistoni Podshohligining O‘zbekiston Respublikasidagi Muvaqqat ishlar vakili Abdurahmon Abanmay janoblariga yo‘llangan maktubni yuborish

sharafiga muyassardir» [22].

Сопоставительный анализ данного текста позволяет установить устойчивые терминологические эквиваленты, обеспечивающие межъязыковую адекватность дипломатического дискурса. Здесь термины «O‘zbekiston Respublikasi Tashqi ishlar vazirligi» и «Saudiya Arabistoni Podshohlighining Toshkentdagi elchixonasi», соответствующие русским «Министерство иностранных дел Республики Узбекистан» и «Посольство Королевства Саудовской Аравии в Ташкенте», выполняют прежде всего номинативную и статусную функции. Они четко идентифицируют институциональных участников коммуникации, подчеркивая их официальное положение. Устойчивое сочетание «o‘z ehtiromlarini izhor etib» функционально полностью соответствует русской протокольной формуле «свидетельствует своё уважение», демонстрируя универсальность прагматических функций начальных формул в дипломатическом этикете. Узбекская фраза «maktubni yuborish sharafiga muyassardir», подчеркивающая торжественность и регламентированность данной коммуникации, является прямым эквивалентом русской официальной формулы «имеет честь сообщить», что свидетельствует о заимствовании путем калькирования речевых моделей для выполнения схожих прагматических задач — придания документу официального, подчеркнуто вежливого характера. Термин «Muvaqqat ishlar vakili» транслирует значение дипломатического ранга «Временный поверенный в делах», выполняя функцию идентификации и четко обозначая позицию лица, представляющего интересы государства.

Особого внимания заслуживает лексико-семантическая специфика перевода концепта «королевство» в узбекском дипломатическом языке. В рассматриваемом контексте используется лексема «podshohlik», что обусловлено глубокой лингвокультурной и исторической традицией арабских и тюркских народов.

Этимологически и понятийно этот термин связан с институтами власти, характерными для восточных монархий (хаканы, ханы, шахи, падишахи, султаны, халифы, эмиры), что придает номинации Саудовской Аравии соответствующий исторический контекст. Выбор узбекского термина «podshohlik» вместо прямого эквивалента «qirolik» (для европейских монархий) не является случайным, а отражает культурно-исторический контекст, придавая дипломатической номинации дополнительный прагматический смысл, связанный с традиционными формами монархической власти на Востоке.

В то же время для обозначения европейских монархий (Великобритании, Бельгии, Испании, Швеции) в узбекской терминосистеме закреплено слово «qirolik», этимологически восходящее к западной традиции королевской власти. Такая лексическая дифференциация свидетельствует о более высокой степени конкретизации понятий в узбекском языке, учитывающей историко-культурное происхождение государственного строя адресата, и демонстрирует адаптивность языка к передаче нюансов международного права и политической терминологии.

Подобное отражение культурно-специфического в лексической системе языка согласуется с теоретическими положениями, согласно которым, как подчеркивает Л. А. Козлова, «специфика культуры находит различные формы своей манифестации в разных единицах языка, и единицы разных языковых уровней обладают разной степенью культурной чувствительности» [8, с. 69].

Завершается текст ноты традиционным финальным комплиментом, который также имеет строго фиксированную форму: «Fursatdan foydalanib, Vazirlik elchixonaga yana bir bor o‘zining yuksak ehtiromlarini izhor etadi» — «Министерство пользуется случаем, чтобы возобновить Посольству уверения в своём весьма высоком уважении» [22]. Использование перформативных глаголов и устойчивых этикетных конструкций в обоих языках подтверждает универсальность прагматических задач дипломатического дискурса, направленных на поддержание стабильных и уважительных межгосударственных отношений вне зависимости от языковой принадлежности текста.

Следующим этапом нашего анализа является работа с текстами международно-правовых актов. Актуальность обращения именно к этому пласту документов обусловлена их особой жанровой природой, на которую указывает К. А. Логунова: «Язык договоров, конвенций, соглашений специфичен, так как он изобилует терминами, оборотами речи, характерными для языка дипломатии» [11, с. 129].

В силу этой специфики данные акты представляют собой репрезентативный корпус для изучения дипломатической лексики в разносистемных языках: они часто составляются параллельно

на двух языках, характеризуются высокой плотностью специализированных терминов, формализованностью и однозначностью формулировок, а также обычно доступны в открытых источниках, что обеспечивает эмпирическую воспроизводимость исследования. Кроме того, наличие аутентичных и переводных версий позволяет проследить механизмы терминологической константы и вариативности, а также выявить типичные приемы адаптации лексики при переходе между языками.

Одним из ключевых документов для проведения такого сопоставительного анализа является «Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией (O‘zbekiston Respublikasi bilan Rossiya Federatsiyasi o‘rtasida davlatlararo munosabatlarning asoslari, do‘stlik va hamkorlik to‘g‘risida shartnoma)» [24], который демонстрирует высокую степень терминологической унификации в обеих лингвокультурах.

В тексте данного документа активно функционируют такие основополагающие дипломатические термины, как «Устав Организации Объединенных Наций» (Birlashgan Millatlar Tashkilotining Nizomi), «Хельсинкский заключительный акт» (Xelsinki Yakunlovchi akti), «Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе» (Yevropada xavfsizlik va hamkorlikka bag‘ishlangan Kengash), «внешнеполитическая деятельность» (tashqi siyosiy faoliyat), «международные организации» (xalqaro tashkilotlar) и «международный договор» (xalqaro shartnoma). Эквиваленты указанных единиц в тексте на узбекском языке употреблены без каких-либо семантических и структурных различий, что подчеркивает стабильность и эквивалентность данных понятий в межгосударственном диалоге.

Однако в процессе лингвистического анализа были выявлены определенные функциональные особенности в использовании ряда терминов в русском и узбекском языках, обусловленные спецификой грамматического строя и дискурсивных традиций.

Рассмотрим специфику реализации данных терминологических единиц подробнее.

Функционирование дипломатических терминов в анализируемом двуязычном договоре демонстрирует системные особенности терминологических подсистем русского и узбекского языков, проявляющиеся на уровне номинации, синтаксической организации и дискурсивной реализации. Терминология в данном случае выступает не просто совокупностью специальных единиц, а механизмом концептуализации и фиксации ключевых категорий международно-правового взаимодействия.

Прежде всего, ключевой единицей дипломатического дискурса выступает термин «Высокие Договаривающиеся Стороны» (Oliy Ahdlashuvchi Tomonlar), который выполняет текстообразующую функцию. В русском тексте он реализуется как устойчивый номинативный комплекс с высокой степенью формализованности и повторяемости, выступая в роли основного субъекта договорных отношений. Для узбекского варианта, при сохранении структурной эквивалентности, характерно наличие компонента «ahdlashuvchi», который актуализирует значение процесса достижения договорённости. Это позволяет говорить о различии в акцентуации: в русском тексте доминирует статичное обозначение статуса, тогда как в узбекском — динамика взаимодействия.

Сходная закономерность наблюдается при анализе терминов «суверенные государства» (suveren davlatlar) и «государственный суверенитет» (davlat suvereniteti). В русском тексте данные единицы включены в перечислительный ряд и оформлены как абстрактные существительные, репрезентирующие систему базовых принципов международного права. В узбекском тексте они, как правило, интегрируются в глагольные конструкции, что смещает акцент с фиксации понятия на его реализацию. Тем самым проявляется различие между номинативной и предикативной моделями представления правовых категорий.

Особенно наглядно это различие проявляется в передаче принципов международного права. В русском тексте используются конструкции типа «принцип неприменения силы» и «принцип мирного урегулирования споров», где ключевым элементом является абстрактное существительное «принцип». В узбекском тексте соответствующие значения выражаются через глагольные и описательные формы (kuch ishlatmaslik, nizolarni tinch yo‘l bilan bartaraf etish), что делает высказывание более развернутым и семантически прозрачным. Таким образом, наблюдается переход от компактной терминологической модели к экспликативной.

Различия в способах номинации проявляются и в обозначении международных

институтов. В русском тексте при первом упоминании организации традиционно используется полная форма, которая в дальнейшем замещается аббревиатурой «ООН», что отражает тенденцию к экономии языковых средств и высокую степень институционализации термина в дискурсе. В узбекском тексте, напротив, даже при повторном упоминании зачастую сохраняется предпочтение полной форме «Birlashgan Millatlar Tashkiloti», что обеспечивает большую официальность, прозрачность и однозначность восприятия институционального субъекта.

В ряде случаев фиксируется различие в выборе между интернационализмами и национальными лексемами. Для терминов «агрессия» и «дискриминация» в узбекском дипломатическом языке существуют прямые эквиваленты — «agressiya» и «diskriminatsiya», закрепленные в терминосистеме. Однако наряду с ними в текстах могут использоваться лексемы «bosqinchilik» и «kamsitilish». Использование данных единиц придает понятию более конкретное, семантически мотивированное и оценочно окрашенное значение, что свидетельствует о сосуществовании в узбекском дискурсе строгой международной терминологии и ресурсов национального языка, адаптирующих сложные юридические концепты.

Данная вариативность подтверждает теоретическое разграничение сфер бытования специальной лексики. Согласно положению А. В. Суперанской, Н. В. Подольской, Н. В. Васильевой, «любой термин может употребляться и употребляется в терминологическом контексте. Но это область его употребления, а поле — область существования его как термина» [15, с. 111]. В нашем случае «поле» международно-правовой терминологии в узбекском языке представлено строгими заимствованными дефинициями, однако дипломатический «контекст» двусторонних договоров допускает использование национальных ресурсов для уточнения семантики.

Значительные особенности выявляются в передаче узкоспециализированных терминов международного права. Такие понятия, как «ратификация» и «денонсация», представлены в узбекском языке соответствующими терминами «ratifikatsiya» и «denonsatsiya». Тем не менее в определенных контекстах им могут соответствовать функциональные эквиваленты «tasdiqlash» и «bekor qilish». Подобная вариативность указывает на стремление к функциональной ясности: если заимствованный термин подчеркивает правовой статус процедуры, то общеязыковые единицы акцентируют внимание на самой сути юридического действия, делая текст более доступным для широкой аудитории.

Термин «правовой режим» находит свое прямое отражение в узбекской дипломатической лексике как «huquqiy rejim», что зафиксировано в «Толковом словаре дипломатических терминов». Однако использование описательной конструкции «huquqiy tartib» в текстах договоров демонстрирует различие в уровне абстракции: если первый вариант отражает категориальное понятие международно-правового стандарта, то второй акцентирует внимание на порядке и механизмах его реализации. Это позволяет говорить о различии когнитивных установок, лежащих в основе языковой репрезентации правовых явлений.

Выявленные особенности подчеркивают сложность устройства рассматриваемого пласта лексики. Так, Т. А. Саидходжаева отмечает, что «по сравнению с терминологическими системами иных предметных областей, дипломатическая терминология характеризуется расширенным спектром лингвистических атрибутов. В частности, в контексте трансляционной практики дипломатических документов манифестируется их имманентная специфика, выражающаяся в уникальной категориальной принадлежности и стилистической организации» [14, с. 120].

Наконец, такие единицы, как «международный терроризм», официально закрепленные в узбекском словаре дипломатических терминов как «xalqaro terrorizm», при формальной эквивалентности могут обнаруживать функциональные различия на словообразовательном уровне. Употребление варианта «xalqaro terrorchilik» подчеркивает активный, деятельностный характер явления за счет специфических аффиксов национального языка, что усиливает прагматическое воздействие текста.

В совокупности рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что дипломатическая терминология в русском тексте характеризуется высокой степенью стандартизации, абстрактности и номинативности. Узбекский текст демонстрирует гибкость и вариативность: наряду с активным использованием международно признанных терминов (agressiya, ratifikatsiya, denonsatsiya, rejim, terrorizm), он проявляет тенденцию к развернутому выражению значений через национальные лексические ресурсы (bosqinchilik, tasdiqlash, bekor qilish, tartib, terrorchilik). Это обеспечивает не только юридическую точность, но и семантическую прозрачность, отражая специфику

функционирования терминологических систем в сопоставляемых лингвокультурах.

Проведенный анализ документов общеполитического характера позволяет выявить базовые принципы функционирования терминосистем. Однако для получения полной картины функционально-дискурсивных параметров необходимо обратиться к более узкоспециализированным актам.

В этой связи следующим этапом нашего исследования станет анализ «Консульской конвенции между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией — O‘zbekiston Respublikasi va Rossiya Federatsiyasi o‘rtasida Konsullik Konvensiyasi» [25], также составленной на русском и узбекском языках. Выбор данного документа обусловлен его высокой технико-юридической сложностью: в отличие от декларативных договоров, Конвенция содержит более плотный пласт узкоспециализированной терминологии, регулирующей конкретные административно-правовые процедуры, что позволяет проверить устойчивость дипломатических терминов в условиях максимально жесткой нормативной регламентации.

Анализ практического материала показывает, что в текстах Консульской конвенции дипломатическая терминология демонстрирует высокую степень стандартизации. Такие дипломатические термины, как «консульские отношения (konsullik munosabatlari)», «министерство иностранных дел (Tashqi ishlar vazirligi)», «консульский округ (konsullik okrugi)», «экзекватура (ekzekvatura)», «дипломатическое представительство (diplomatik vakolatxona)», «вализа (valiza)», «консульский курьер (konsullik kuryeri)», «консульское должностное лицо (konsullik mansabdor shaxsi)», «консульское помещение (konsullik binolari)», «дипломатические привилегии и иммунитеты (diplomatik imtiyozlar va immunitetlar)», «консульские сборы (konsullik yig‘imlari)», «виза (viza)», функционируют в текстах обоих языков в полном соответствии с их лексикографической фиксацией. Их употребление характеризуется семантической стабильностью, отсутствием вариативности и строгой привязкой к юридическому контексту.

Тем не менее сопоставительный анализ позволяет зафиксировать наличие ряда расхождений между узбекским текстом Конвенции и словарной нормой, зафиксированной, в частности, в толковом словаре дипломатических терминов «Diplomatik terminlar izohli lug‘ati» [18].

Эти расхождения представляют особый интерес с точки зрения функционально-дискурсивного подхода. К числу таких случаев относятся:

- «Венская конвенция о консульских сношениях» → «Konsullik aloqalari to‘g‘risidagi Vena Konvensiyasi» (вместо нормативного «Konsullik munosabatlari to‘g‘risidagi Vena konvensiyasi»);
- «класс консульского учреждения» → «konsullik muassasining darajasi» (вместо «konsullik muassasi klassi»);
- «обслуживающий персонал» → «xizmat ko‘rsatish xodimlari» (вместо «xizmat ko‘rsatuvchi personal»);
- «дискриминация» → «kamsitish» (вместо «diskriminatsiya»);
- «реквизиция» → «davlat ixtiyoriga olish» (вместо «rekvizitsiya»).

Указанные примеры демонстрируют тенденцию к дескриптивной (описательной) передаче терминов в узбекском языке вместо прямого заимствования или калькирования. Например, «kamsitish» (ущемление, притеснение) является семантически прозрачным эквивалентом «дискриминации», но при этом утрачивает интернациональный характер термина. Аналогично, сочетание «davlat ixtiyoriga olish» раскрывает содержание понятия «реквизиция», однако не воспроизводит его как термин международного права.

Такая вариативность может быть объяснена функциональными установками текста: стремлением обеспечить понятность для национальной правовой аудитории. Подобная асимметрия в выборе средств номинации подтверждает тезис о том, что «разные языки не обязательно акцентируются на одних и тех же словах и словосочетаниях, порой только контекст позволяет определить правильность перевода, слово в одном языке охватывает понятия, в другом языке они отделены друг от друга» [17, с. 14].

Особо следует выделить функционирование термина «государственный герб», который в узбекском тексте представлен как «davlatning tamg‘asi», несмотря на наличие официально закреплённого эквивалента «davlat gerbi». Данный факт требует отдельного комментария.

Использование формы «tamg‘a» (знак, клеймо, символ) вместо «gerb» отражает переходный этап формирования узбекской дипломатической терминологии. Учитывая, что анализируемая Конвенция была принята в начале 1990-х годов, данный выбор можно

интерпретировать как проявление поиска национально ориентированной терминологической модели в условиях становления независимой государственности. В этот период узбекский язык активно переосмыслил и адаптировал международно-правовую лексику, что сопровождалось конкуренцией между заимствованными и исконными средствами номинации.

Подобные факты находят теоретическое подтверждение в выводах Д. З. Хайдаровой о том, что «в годы независимости в узбекском дипломатическом стиле усиливаются национальное своеобразие, нормативность в языке и компромиссные средства выражения» [16, с. 78].

С функциональной точки зрения использование понятия «tamg'a» усиливает культурно-национальную маркированность текста, однако снижает степень его терминологической унифицированности в международном контексте. В более поздней практике закрепился вариант «davlat gerbi», что свидетельствует о постепенной стандартизации и интернационализации дипломатической лексики.

В целом выявленные расхождения позволяют сделать вывод о том, что узбекский текст Конвенции сочетает в себе две тенденции: ориентацию на международную терминологическую систему (через заимствования: «ekzekvatura», «valiza», «viza») и стремление к семантической прозрачности и национальной адаптации (через описательные конструкции и исконные эквиваленты).

Русский текст, напротив, демонстрирует большую степень терминологической консервативности и опору на устоявшиеся дипломатические клише.

Таким образом, проведённый функционально-дискурсивный анализ дипломатических терминов русского и узбекского языков показал, что их специфика раскрывается в полной мере только в условиях реального текстового функционирования. Кроме того, данный анализ позволил выявить динамический характер терминологических единиц, их прагматическую обусловленность и зависимость от жанрово-коммуникативных параметров дипломатического общения.

Анализ дипломатической переписки, прежде всего вербальных нот, продемонстрировал, что терминологические единицы функционируют в строго регламентированной системе протокольных формул, где они выполняют не только номинативную, но и контактоустанавливающую, этикетную и побудительную функции. Установлено, что устойчивые конструкции дипломатического языка в русском и узбекском вариантах обладают высокой степенью функциональной эквивалентности, обеспечивая универсальность прагматических механизмов межгосударственного общения.

Исследование международно-правовых актов позволило выявить более высокий уровень стандартизации дипломатической терминологии, где ключевые термины функционируют как элементы юридически значимых конструкций, обеспечивающих однозначность и легитимность текста. При этом сопоставительный анализ показал наличие различий в способах языковой реализации терминов: русский язык демонстрирует тенденцию к номинативной компактности, абстрактности и устойчивости клишированных форм, тогда как узбекский язык характеризуется большей вариативностью, склонностью к дескриптивным конструкциям и использованием национальных лексических ресурсов наряду с интернациональными терминами.

Сопоставительный анализ показывает, что при общей функциональной эквивалентности дипломатических терминов в русском и узбекском языках наблюдаются различия в степени их кодифицированности, интернационализации и семантической прозрачности. Эти различия обусловлены как типологическими особенностями языков, так и историко-дискурсивными условиями формирования национальной дипломатической терминологии.

В целом результаты проведённого анализа подтверждают, что дипломатическая терминология представляет собой сложную, динамическую систему, в которой взаимодействуют языковые, прагматические и культурно-исторические факторы. Установленные функционально-дискурсивные параметры позволяют углубить представление о механизмах функционирования терминов в условиях официальной коммуникации и вносят вклад в развитие сравнительной терминологии и теории дипломатического дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авербух К. Я. Общая теория термина. – М.: Издательство МГОУ, 2006. – 252 с.
2. Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминообразования: учеб. пособие по спецкурсу / Пермский ун-т. – Пермь, 1998. – 120 с.
3. Борисов А. Б. Большой юридический словарь. – М.: Книжный мир, 2010. – 848 с.

4. Никольсон Г. Дипломатия. – М., 2017. – 160 с.
5. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
6. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
7. Ковалев А. Азбука дипломатии. – 4-е изд. – М.: Международные отношения, 1984. – 248 с.
8. Козлова Л. А. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие. – Барнаул: АлтГПУ, 2019. – 180 с.
9. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – 3-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
10. Мустафин А. А. Политология: словарь современных терминов и выражений. – Ангарск: АГТА, 2012. – 168 с.
11. Логунова К. А. Структурные особенности дипломатических документов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2 (44), ч. 2. – С. 129–131.
12. Ошурмахмадова С. Ш. Особенности лексики дипломатического делопроизводства // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 1 (74). – С. 475–477.
13. Попов В. И. Современная дипломатия: теория и практика: курс лекций. – Ч. 1: Дипломатия – наука и искусство / ДА МИД РФ. – М.: Научная книга, 2000. – 576 с.
14. Саидходжаева Т. А. Дипломатическая терминология как неотъемлемая часть лексического состава таджикского и английского языков // Вестник педагогического университета. – 2025. – № 5 (118). – С. 120–127.
15. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории / отв. ред. Т. Л. Канделаки. – 6-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 248 с.
16. Хайдарова Д. З. Сравнительная типологическая характеристика дипломатических терминов // Проблемы науки. – 2025. – № 4 (91). – С. 76–80.
17. Чжан Бо. Современные тенденции в дипломатическом языке: лингвокоммуникативный анализ // Язык. Словесность. Культура. – 2022. – Т. 12, № 4–5. – С. 11–18.
18. Shamsimuxamedov I. Diplomatiik terminlar izohli lug‘ati [Matn]. – T.: Donishmand ziyosi, 2021. – 221 b.
19. Вербальная нота № 766/н от 05.03.2026 Посольства Российской Федерации в Республике Узбекистан Министерству иностранных дел Республики Узбекистан.
20. Вербальная нота № 12/38868 от 03.10.2023 Министерства иностранных дел Республики Узбекистан Министерству иностранных дел Российской Федерации.
21. Вербальная нота № 16243/Здснг от 30.06.2023 Министерства иностранных дел Российской Федерации Министерству иностранных дел Республики Узбекистан.
22. Вербальная нота № 18-1 от октября 2025 г. Министерства иностранных дел Республики Узбекистан Посольству Королевства Саудовской Аравии.
23. Новый дипломатический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dipslo.ru/ru/diplomaticheskii-iazyk>
24. Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/-2589540?otherlang=1>
25. Консульская конвенция между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/-2499373?otherlang=1>